

Поздина И.В. Жанровая специфика прозы Н.С. Лескова 1860-х годов Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2011. 198 с.

© Колосова А.Д. , 2017

Кукарцева М.С. (Екатеринбург, УрГПУ)

Трансформация балладного жанра в стихотворении

А. Ахматовой «Новогодняя баллада»

Аннотация. В статье рассматривается стихотворение А. Ахматовой «Новогодняя баллада» (1923). Это стихотворение явилось поворотным в творческом пути поэта, оно послужило одним из решающих поводов к многолетнему замалчиваю, жесткой цензуре и ограничению деятельности А. Ахматовой. В работе прослеживается актуализация балладной традиции на уровне сюжета, мотивов, героев, исследуется роль балладной семантики и причины обращения А. Ахматовой к данному жанру. Ощущение неотвратимой трагедии, нависшего рока, острое предчувствие надвигающейся беды характерно для творческого мира А. Ахматовой и крайне близко балладному жанру. А. Ахматова трансформирует балладный жанр в направлении лиризации и автопсихологизации балладного субъекта. Анализируется сюжет стихотворения, построенный на основе автобиографических фактов. А. Ахматова, используя жанр баллады, демонстрирует сложность и противоречивость бытия и потрясение перед таинством жизни и смерти за счет неожиданной, нарочито трагической пророческой развязки в финале.

Ключевые слова. баллада, смерть, А. Ахматова, пророчество, лиризация жанра.

Kukartseva M. S. (Yekaterinburg, USPU)

The transformation of the ballad genre in

Akhmatova's poem «New Year's Ballad»

Abstract. In the article we consider A. Akhmatova's poem «The New Year's Ballad» (1923). This poem was a turning point in the creative path of the poet, it served as one of the decisive reasons for the perennial silence, strict censorship and restriction of the activities of A. Akhmatova. In the work we can follow the actualization of the ballad

tradition at the level of the plot, motives, and heroes, we explore the role of ballad semantics and the reason for the treatment of A. Akhmatova to this genre. The sensation of an inevitable tragedy, impending fate, the acute foreboding of impending disaster is characteristic of A. Akhmatova's creative world and extremely close to the ballad genre. A. Akhmatova transforms the ballad genre in the direction of lyricism and autopsychologization of the ballad subject. We analyzed the plot of the poem, built on the basis of autobiographical facts. A. Akhmatova, using the ballad genre, demonstrates the complexity and contradictory nature of being and the shock before the mystery of life and death due to an unexpected, deliberately tragic prophetic denouement in the finale.

Keywords: ballad, death, A. Akhmatova, prophecy, lyric genre.

А. Ахматова. Новогодняя баллада

И месяц, скучая в облачной мгле,
Бросил в горницу тусклый взор.
Там шесть приборов стоят на столе,
И один только пуст прибор.

Это муж мой, и я, и друзья мои
Встречаем Новый год.
Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы, жжет?

Хозяин, поднявши полный стакан,
Был важен и недвижим:
«Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим!»

А друг, поглядевши в лицо мое
И вспомнив Бог весть о чем,
Воскликнул: «А я за песни ее,
В которых мы все живем!»

Но третий, не знавший ничего,
Когда он покинул свет,
Мыслям моим в ответ

Промолвил: «Мы выпить должны за того,
Кого еще с нами нет». <1923> [Ахматова 1998: 396].

Стихотворение «Новогодняя баллада» написано в 1923 г. и помещено в сборник А. Ахматовой «Бег времени» 1965 г. В сборнике баллада объединена по общей тематике вместе с другими стихами в книгу (обозначение А. Ахматовой) «Венок мертвым». Особое композиционное значение «Новогодней баллады» в цикле отмечают Н. Лейдерман и А. Тагильцев в очерках «Поэзия Анны Ахматовой» в связи с тем, что стихотворение является ключом цикла, который в свою очередь можно рассматривать как «венки сонетов» [Лейдерман, Тагильцев 2005: 60-70].

Начиная с 1922 г., стихи А. Ахматовой подвергались жесткой цензурной правке, а с 1925 по 1939 гг. и с 1946 по 1955 гг. ее книги не печатались совершенно (за исключением стихотворений из цикла 1950 г. «Слава миру!»). Сама А. Ахматова в заметке 1965 г. «Коротко о себе» писала: «С середины 20-х годов мои новые стихи почти перестали печатать, а старые – перепечатывать» [Ахматова 1966: 30], поэтому сюжет баллады намеренно «скрыт».

М. Кралин в примечаниях к циклу «Венок мертвым» отметил, что данное стихотворение послужило своего рода конспектом будущей «Поэмы без героя», где отражается взгляд А. Ахматовой на современную ей эпоху, от Серебряного века до Великой отечественной войны [Ахматова 1990: 413]. Действительно, мы можем увидеть это в содержании поэмы. А. Ахматова делает отсылку к «Новогодней балладе», используя цитату из стихотворения:

Но...

Господняя сила с нами!

В хрустале утонуло пламя,

«И вино, как трава, жжет». [Ахматова 1988: 97].

В названии стихотворения «Новогодняя баллада» автор сразу дает читателю установку на жанр, прямо о нем заявляя. И в поэме есть герои, принадлежащие к иному миру, не подвластному законам человеческого существования, что является неотъемлемой частью балладного сюжета.

С начала первой строфы эпитеты *облачная мгла* и *тусклый взор* задают мрачный и беспокойный эмоциональный тон, деэпричастие *скупая* (*И месяц, скупая в облачной мгле*) передает атмосферу глу-

бокого одиночества, в котором лирическая героиня встречает новый, 1923 год. На столе стоят шесть приборов, из которых только один пуст. Возможно, этот прибор принадлежит самой лирической героине, которая находится на грани мира живых и мира мертвых. Пять остальных приборов поставлены для тех, кто не может быть сейчас за столом. Под обращением *муж мой*, рассматривая стихотворение в автобиографическом ключе, скорее всего, можно понимать В. Шилейко, фактического мужа А. Ахматовой до 1926 г. М. Кралин в Полном собрании сочинений Ахматовой разделяет образы *хозяина* и *мужа*. Однако если принять версию, что пять полных приборов предназначены тем, кто физически отсутствует, то можно предположить, что в обращении *муж мой* имеется в виду Н. Гумилев, расстрелянный 26 августа 1921 г., то есть происходит «наложение» двух реальных прототипов. Тенденцию к контаминации в лирике А. Ахматовой отметил С. Кормилов [Кормилов: 1998: http://society.polbu.ru/kormilov_lithistory/ch13_all.html дата обращения: 25.03.17].

Начиная со второй строфы, героиня рассказывает о тех, кто должен быть с ней рядом в этот праздник, но кого уже с ней нет и быть не может. Используется глагол настоящего времени несовершенного вида *встречаем* *Новый год*, который усиливает жуткое ощущение ирреальности происходящего, ведь в настоящем времени пребывание этих людей за одним столом с лирической героиней невозможно. Еще больше это ощущение усиливается за счет сравнений, которые будто сулят гибель и самой лирической героине: *пальцы словно в крови; вино, как трава*.

Баллада содержит несколько аллюзий к предыдущим стихотворениям самой А. Ахматовой и автобиографические отсылки. Так, например, под строкой *Отчего мои пальцы словно в крови...* мы понимаем намек на Б. Анрепа, русского художника-монументалиста, литератора Серебряного века, которому А. Ахматова посвятила более тридцати стихотворений. Б. Анреп навсегда покинул Россию после Февральской революции в последних числах февраля 1916 г. Эта строка явно отсылает нас к стихотворению 1917 г. «Мне голос был. Он звал утешно...»: «*Я кровь от рук твоих отмою...*».

Тема «отравленного вина» («*И вино, как отравы, жжет*») всегда связана у А. Ахматовой с именем А. Лурье, российско-американским композитором, критиком, который, как и Б. Анреп, навсегда покинул Россию в 1922 г.

Хозяин, поднявший полный стакан, произносит тост из загробного мира, что создает жуткую атмосферу и ощущение горечи:

*Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим!*

Местоимение *все* указывает на масштаб трагедии представителей интеллигенции послереволюционной России.

В четвертой строфе лирическая героиня вспоминает своего друга, который восторженно восхваляет поэта:

*... А я за песни ее,
В которых мы все живем!*

Строфа также имеет автобиографическую отсылку к самой А. Ахматовой. Друг здесь – русский поэт, критик, литературовед Н. Недоброво, творчество которого оказало очень большое влияние на А. Ахматову. Так, его статья «Анна Ахматова» сама Анна Андреевна считала провидческой, лучшей из всего, что было написано о ее творчестве. Н. Недоброво умер 15 декабря 1919 г., и о его смерти с горечью вспоминает героиня «Новогодней баллады».

В последней строфе автор упоминает *третьего*, поэта Вс. Князева, тесно связанного с акмеистами, который покончил с собой 5 апреля 1913 г. и стал впоследствии одним из главных персонажей «Поэмы без героя». Он, *не знавший ничего* о послереволюционных событиях, становится одним из главных героев стихотворения, в уста которого автор вкладывает фразу:

*Мы выпить должны за того,
Кого еще с нами нет.*

Готовность принять неотвратимость смерти выражается в строгой, сдержанной интонации, создаваемой с помощью точной перекрестной рифмовки в четверостишиях дольника, завершенностью всех строк, мужскими клаузулами. Обращает на себя внимание "лишняя" строка в последней строфе, в которой речь идет о том, «кого еще ... нет» среди мертвых или среди этого тесного круга друзей. В первом случае, предрекается гибель самой героине, во

втором случае – это указание на таинственного "гостя из будущего".

Таким образом, светлый новогодний праздник оборачивается мрачным предвестником тяжелого периода в истории России, влекущего за собой кровавые времена и трагические переживания. Через наречие *еще* автор предрекает скорую гибель новых лучших представителей страны и всего народа в целом. Традиция новогодних стихов оформилась еще до «Новогодней баллады». Тема пророчества о судьбе поколения звучит в стихотворении А. Ахматовой 1913 г. «Все мы бражники здесь, блудницы...», герои которого пока еще живы, и в стихотворении Г. Иванова, «В тринадцатом году, еще не понимая...», написанном им в годы эмиграции.

Акцентируя внимание на жанровой отнесенности стихотворения к балладе, А. Ахматова в лаконичной форме передает острую драматическую напряженность происходящего. Эпический сюжет о новогоднем застолье с мертвыми гостями излагается фрагментарно, оставляя большой простор фантазии читателей, которые через повествовательный сюжет, окрашенность лирическим мрачным, меланхоличным тоном, биографические и культурные отсылки стихотворения могут догадаться о героях повествования и о событиях, на которые намекает автор.

«Новогодняя баллада» близка к романтической балладе, которая отличается пристрастием к необычному, ужасному, к тому, что неподвластно логике и разуму, преобладанием эмоционального начала над рациональным. В подтексте баллады представлены трагические события, которые привели героев к роковому исходу. Диалог лирической героини с *третьим* в последней строфе также является неотъемлемой частью балладного сюжета.

Несмотря на то, что события в балладе друг от друга отделяют некоторые промежутки времени, создается иллюзия одновременности происходящего. В балладе XX века происходят изменения, которые отличают ее от классической баллады: отказ от безличного повествования, который приводит к доминированию лирического компонента, происходит размывание границ между жанровым субъектом и лирическим «Я». Балладный лиризм еще более усиливается влиянием цепи трагических событий, вытесненных в подтекст. Страшное и чудесное из мира смерти отсылает не к фанта-

стическим существам, а к документальной фактической реальности, то есть в балладе воссоздается образ советской истории как жуткого антимира, убивающего лучших, а главное – поэтов. Страшны не мертвые, а та жизнь, которая обрекает на смерть – в этом заключается инверсия балладного двоемирия.

А. Ахматова, используя жанр баллады, выходит за рамки других романтических жанров, демонстрируя сложность и противоречивость бытия и потрясение перед таинством жизни и смерти за счет неожиданной, нарочито трагической пророческой развязки в финале.

Литература

Ахматова А. А. Собрание сочинений в 2 томах. Том 1. – М., 1990.

Ахматова А. А. Собрание сочинений в 6 томах. Том 1, 3. – М., 1998.

Ермоленко С. И. Жанр романтической баллады в эстетике первой трети XIX века / Проблемы стиля и жанра в русской литературе XIX – начала XX века – Свердловск, 1989.

Кормилов С.И. История русской литературы XX века (20-30-е годы): основные имена. А.А. Ахматова. URL: http://society.polbu.ru/kormilov_lithistory/ch13_all.html

Лейдерман Н.Л., Тагильцев А.В. Поэзия Анны Ахматовой – Екатеринбург, 2005.

Семенко И. Жуковский – М., 1982.

Сильман Т. Заметки о лирике. – Л., 1977.

Словарь литературных терминов. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/>

Советские писатели. Автобиографии. Том 3. – М., 1966.

© Кукарцева М.С., 2017

Куриленко М. В. (Пермь, ПГГПУ)

Смеховой мир Ю. Буйды (Рассказ "Закон Жунглей")

Аннотация. В статье анализируется центральный рассказ цикла Ю. Буйды «Жунгли» – «Закон Жунглей». С опорой на концепции М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева и О.М. Фрейнденберг описывается комическое начало в художественном мире Юрия Буйды.